

А.А. Кормилаева

Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

Научный руководитель: Разумов Р.В., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1'373.2

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНТРОПОНИМОВ В РАСКРЫТИИ ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА РАССКАЗА Ю.БУЙДЫ «ВАНДА БАНДА»

Ключевые слова: *литературная ономастика, поэтоним, антропоним, прозвище, этимология.*

В статье рассматриваются антропонимы, функционирующие в рассказе Юрия Буйды «Ванда Банда». На основе анализа этимологии имен собственных анализируется их влияние на формирование художественного образа, выявляется смыслообразующий потенциал поэтонима и его роль в формировании концептуального плана текста. Автор выявляет основные функции имен собственных в ономастическом пространстве художественного текста Юрия Буйды.

A.A. Kormilaeva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

THE SYMBOLIC FUNCTION OF ANTHROPONYMS IN AN IDEOLOGICAL-THEMATIC INTERPRETATION OF THE STORY BY YU. BUIDA "WANDA BANDA"

Key words: *literary onomastics, poetic names, anthroponym, byname, etymology.*

The article considers the anthroponyms, which pass into the category of poetic names in the story of Yuri Buida "Wanda Banda". The influence on the formation of a word picture is analyzed, based on the analysis of the etymology of proper names. The semantic potential of the poetic names is revealed as well as its role in the formation of the conceptual layout of the text. The major features of proper names in the onomastic space of the literary text are noted during the study.

Литературная ономастика как самостоятельная научная дисциплина начинает формироваться в 1950–1960-е гг. в связи с возрастающим интересом исследователей к функциональным возможностям и структурно-языковой специфике имени собственного. Лингвисты указывают на особое положение антропонимов и топонимов в литературе и приравнивают их к экспрессивным элементам, которые участвуют в формировании авторского замысла и раскрывают идейно-тематическое содержание конкретного текста: «Подобно другим средствам языка, имена собственные, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в „сложной и глубокой образной перспективе – перспективе художественного целого“» [4, 107].

Выбор и введение онимов в произведение зависит исключительно от стилистической манеры конкретного писателя или поэта. Как отмечает М.И. Кузьмина, «литературный оним может участвовать в продуцировании эстетически важных ассоциаций в художественной речи <...> В современной русистике литературный

оним может рассматриваться как один из художественных приемов, формирующих концептуальный план у всего текста, имя собственное изучается как репрезентативная единица концепта» [3, 71, 74].

Мы считаем, что имена собственные в пределах ономастического пространства художественного текста выполняют в основном символическую и стилистическую функции и являются важным средством характеристики героя. Они усиливают впечатление от прочитанного и помогают раскрыть скрытый подтекст. Антропонимы («говорящие» имена и фамилии) являются постоянным и важным компонентом любого литературного произведения, так как они участвуют в углублении психологизма произведения.

В данной статье мы рассмотрим функционально-стилистическую нагрузку антропонимов в рассказе Ю. Буйды «Ванда Банда». Актуальность исследования обусловлена малой изученностью современной русской прозы и особым творческим методом конкретного писателя. В центре внимания автора находятся такие философские категории, как душевная красота и уродство, одиночество, любовь, смерть. В статье «Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды» лингвисты отмечают особенности хронотопа рассказов данного писателя: «В его произведениях происходит пересоздание реальности, размывается грань между сном и явью, что побуждает к поиску мира иного <...> Как правило, герои Буйды живут в духовном вакууме, в мире, где нет места любви. Преодоление одиночества часто происходит у них странным, порою абсурдным образом» [5, 252, 254]. Так, стилистическая манера этого автора заключается в существовании двоemiрия, интертекстуальности.

В название рассказа «Ванда Банда» вынесены имя и прозвище главной героини, что позволяет нам говорить о принципиальной значимости этого антропонима в ономастическом пространстве художественного текста. Этимология личного имени *Ванда* неясна: «1. Др.-рус. – возможно, женск., к *Вандыш* (этимологию см. ниже – А.К.). 2. Нов. календ. – из польск. *Ванда* – имя мифич. польск. королевы, возможно, связано с др.-лит. божеством *Вандой*, недружелюбным, злым. 3. Болг. ласк. к *Ивана*» [7, 366]; «Вандыш – др.-рус. – мелкая рыбка; переносно: малыш» [7, 137]. Ассоциативно антропоним также может соотноситься сapelлятивом *вандал*, что подчеркивает особенности поведения персонажа. Юрий Буйда использует гиперболу и антитезу при описании внешности главной героини с целью подчеркнуть ее физическую силу, которая сочетается с ранимостью, стремлением к красоте: «*Вот у них-то и родилась Ванда Банда, самая сильная в мире женщина <...> Ее необыкновенный дар проявился уже в раннем детстве, когда семилетняя девочка принесла домой упившуюся мать и только тогда обнаружила, что всю дорогу матушка не выпускала из рук мешок с украденной на ферме трехпудовой свиньей <...> усики она украшала крошечными серебряными колокольчиками*» [1, 89]. Писатель указывает на нелегкую судьбу Ванды: с самого детства хрупкий ребенок вынужден был стать морально сильнее и ответственнее, чтобы заботиться о пьющих родителях. Рано осиротевшая главная героиня никогда не чувствовала любви от отца или матери. Автор объясняет причину появления у Ванды прозвища: «*Одноклассники вскоре поняли, что с Вандой, получившей прозвище Банда, лучше не связываться: одним ударом она валила десяток хулиганов <...> Повзрослев, она для устрашения противников голыми руками разорвала пополам живую кошку*» [1, 89]. Внешне пугающая «богатырская» сила становится маской защиты девушки с тонкой душевной организацией от насмешек окружающих ее людей. Прозвище *Банда*, принадлежащее главной героине, построено на приеме метонимии: разрушительное воздействие одного человека уподобляется целой группе людей,

что еще раз подчеркивает силу духа Ванды, чья истинная красота скрыта под маской грубости и жестокости. Так, этимология антропонима *Ванда Банда* и его ассоциативная связь с апеллятивами помогает автору раскрыть двойственность образа главной героини. Оним является средством характеристики персонажа.

Перед тем, как перейти к интерпретации функций других прозвищ, кратко изложим фабулу рассказа. После описания несчастного детства Ванды фокус читательского внимания смещается на дальнейшие попытки главной героини выйти замуж за мифического персонажа – тридцатисантиметрового человечка, найденного в саду. Жители городка с насмешкой относились к наивной Ванде до случившегося несчастного случая: большой черный кот главной героини в отсутствие хозяйки съедает ее возлюбленного. Ванда не выдерживает душевного потрясения, теряет смысл существования и умирает. В местной больнице жителям города открывается секрет Ванды: под грубым башмаком из свиной кожи, который героиня никогда не снимала, *«левая нога была ножкой маленькой, изящной, божественно красивой, с жемчужными ноготками»* [1, 96]. Так, с помощью аллюзии на сказки «Мальчик с пальчик» и «Царевна-лягушка» Юрий Буйда в рассказе «Ванда Банда» доносит до читателей мысль о силе глубокой любви, которая окрыляет человека и заставляет открыться этому миру, пожертвовать своим спокойствием и даже жизнью ради другого человека. Душевная красота, глубокий внутренний мир скрыт под маской неприступности, черствости.

Обратим внимание на образ мифического возлюбленного Ванды Банды, которого героиня однажды находит в своем саду и проникается к нему жалостью и искренним чувством: *«Она назвала его **Мыней**, образовав прозвище от слова „мышонок“. Она соорудила ему одежду и постель, купила игрушечную мебель и посуду и заколотила дверь в гостиную огромными ржавыми гвоздями, чтобы человечек случайно не стал жертвой кровожадного черного кота. Влезая после работы в окно спальни, она испытывала неведомую ей прежде радость лишь оттого, что в уголке, где было устроено Мынино жилье, горит свет»* [1, 91]. Нам кажется, что стилистическая окраска онима *Мыня*, а также большое количество имен существительных с уменьшительными суффиксами (*человечек, личико*), которые главная героиня употребляет в речи по отношению к мужчине, не столько выполняют номинативную функцию, сколько раскрывают характер Ванды как нежной, чуткой женщины. Любовь для героини – это забота о ближнем, стремление защитить его от жизненных невзгод. Именно поэтому Ванда шьет для Мыни лилипутскую одежду, делает крошечную мебель, интересуется его прошлой жизнью. Главной героине не удается спасти возлюбленного от черного кота по кличке Черт: *«Увидев человечка, черный кот обезумел. От его рывка стол упал набок, шелковая петля соскочила с ножки, и зверь одним прыжком настиг бросившегося бежать Мыню. Кошачьи зубы сомкнулись на его шее»* [1, 95–96]. Кот Ванды олицетворяет все невзгоды жестокого мира, с которыми вынужден столкнуться человек. Кличка домашнего питомца неслучайно вводится в самом начале рассказа: *«...предложение Буянихи назвать его **Чертом** тотчас отвергла: Этого? Тогда он обязательно и станет чертом»* [1, 90]. Подобная интродукция антропонима создает прием предвосхищающей развязки и позволяет читателю заранее узнать трагичный исход романа Ванды и Мыни – представителей земного мира и мифической страны Гдетии.

Мы отметили, что в рассказе Юрия Буйды наблюдается большое количество прозвищ, которые объединены по структурным и функциональным признакам. На наш взгляд, эти онимы выполняют значимую символическую функцию и раскрывают нравы города, в котором живет главная героиня. Во время посещения

Вандой парикмахерской читатель знакомится с двумя персонажами – *Буянихой* и *Тарзанихой*, которые по-своему объясняют неопытной главной героине суть любви: «*Это что-то вроде уродства, – объяснила Буяниха. – То, без чего ты не можешь обойтись, хотя и хотела бы. Ну, скажем, горб у красавицы. Или красота*» [1, 90]. Так, искаженные познания о возвышенном чувстве, уподобление его болезни, внешнему недостатку, подчеркивают духовную неразвитость, пустоту жителей города. Юрий Буйда также объясняет причину появления прозвища у другой героини: «*...у немой **Тарзанихи**, получившей прозвище после смерти мужа, когда она принялась раз-другой в месяц забираться на дерево во дворе, чтобы побыть в одиночестве...*» [1, 89]. Мы считаем, что данный антропоним придает живость, саркастичность словам рассказчика. Так, при обращении к ономастическому пространству художественного произведения читателю становится понятна еще одна черта творчества Ю. Буйды, которая заключается в использовании постоянной иронии. Отметим, что герои как носители определенных прозвищ являются трансляторами мыслей писателя. Прозвища *Буяниха* и *Тарзаниха* сходны: они имеют одинаковый суффикс *-их-*, который в русском языке используется для образования имен существительных со значением названия самок животных или лиц женского пола по профессии. Так, Ю. Буйда наделяет персонажей прозвищами с негативной коннотацией с целью подчеркнуть их душевные недостатки, например, узкий кругозор, глупость, жестокость. Подтверждение этой мысли мы находим в эпизоде бракосочетания Ванды с ее возлюбленным. Свадьба главной героини и Мыни превращается в объект насмешек для городских жителей: «*По соображениям конспирации церемония была назначена на раннее утро, но Ванде стало известно, что поглазеть на ее суженого сбегутся все, кроме умирающих, новорожденных и заключенных местной тюрьмы <...> Ей бы коня в мужья, – проворчала Буяниха. – Первый раз в жизни вижу лошадь, которая выходит замуж за сено*» [1, 94]. Обыватели язвительны, не верят в искренность чувств, им непонятно чужое счастье. Единственным их развлечением становится распускание слухов. Пренебрежительный оттенок имеет прозвище и другого персонажа: «*Председатель поссовета **Адольф Иванович Кацнельсон**, по прозвищу **Кальсоныч**, <...> за бутылку самогона состряпал для мышонка бумаги, удостоверяющие, что он действительно является человеком*» [1, 94]. Несмотря на то, что герой имеет трехсоставную модель именования, всем жителям он известен исключительно по прозвищу. Так, автор создает сниженный образ человека, безответственно относящегося к своей работе.

От жителей города, имеющих прозвища с негативной коннотацией, отличается местный врач, которого автор номинирует *Шеберстовым*. Интересно, что только этот герой назван официально по фамилии. Нам кажется, такая модель именования социально обусловлена: единственный интеллигентный человек в городе, отличающийся терпеливостью, серьезностью и ответственностью, морально возвышается писателем над остальными горожанами. Можно подчеркнуть связь антропонима *Шеберстов* с апеллятивами *шеберстить* ('шуршать, царапать-ся'), *шеберсткий* ('чуткий'), которые мы встречаем в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [2]. В связи с этим стоит сказать, что данное имя собственное становится средством характеристики героя и раскрывает идейно-тематическое содержание рассказа: только участливый доктор смог дойти до истины и узнать секрет Ванды: «*Доктор Шеберстов так долго возился с заскорузлой шнуровкой, что некоторые медсестры и санитарки, не выдержав напряжения, попадали в обморок*» [1, 96]. Юрий Буйда подчеркивает, что душевную красоту может увидеть и понять не каждый.

Таким образом, в рассказе Юрия Буйды «Ванда Банда» антропонимы выполняют значимую символическую и стилистическую функции. Прозвища с негативной или положительной эмоциональной окраской являются одним из главных языковых средств, характеризующих внутренний мир и качества героев.

Литература

1. Буйда, Ю. Прусская невеста: роман в рассказах / Ю. Буйда. – М.: Эксмо, 2015. – 704 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: словарь / В.И. Даль. – М.: Олма-Пресс: Крас. Пролетарий, 2004. – 700 с.
3. Кузьмина, М.И. Имя собственное в художественной речи / М.И. Кузьмина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – Вып. №2. – С. 70–76.
4. Печетова, Н.Ю. Роль имени собственного в создании образа персонажа художественного произведения (на примере произведений Л. Улицкой) / Н.Ю. Печетова, М.В. Михайлова // Вестник СВФУ. – 2015. – Вып. 1. – С. 106–111.
5. Прохорова, Т.Г. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды / Т.Г. Прохорова, И.Г. Загфарова // Филология и культура. – 2016. – Вып. 1. – С. 251–255.
6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.
7. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.

А.А. Кручинина

Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского
e-mail: kruchinina.a.99@mail.ru

Научный руководитель: Разумов Р.В., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1'373.2

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛИОНИМОВ И ПОЭТОНИМОВ В ОФИЦИАЛЬНОМ ГОРОДСКОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *городское онимическое пространство, мотив номинации, библионим, поэтоним, коннотоним, урбаноним, эргоним.*

В статье представлено использование библионимов и поэтонимов при официальной номинации внутригородских объектов России. В основе подобного использования библионимов и поэтонимов лежит реализация коннотаций, связанных с исходным онимом. В этом случае происходит актуализация лингвокультурных представлений носителей языка о первичном ониме, подчеркиваются его свойства, сформировавшиеся в языковом сознании человека.

A.A. Kruchinina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

SPECIFIC FEATURES OF FUNCTIONING OF THE BIBLIONYMS AND POETONYMS IN OFFICIAL URBAN SPACE

Key words: *urban onomastic space, nomination motives, biblionym, poetonym, connotonym, urbanonym, ergonym.*